

Ольга Лазорева

Чернослив в шоколаде

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=571725
Чернослив в шоколаде: Эксмо, Яуза; М.: 2008
ISBN 978-5-699-28492-4

Аннотация

Гадалки, экстрасенсы, знахари – неперенный компонент современной жизни. И многие обращаются к ним в трудные моменты. Подавляющая часть клиентов нетрадиционных целителей – женщины, так как по природе своей они более эмоциональны, доверчивы и внушаемы, чем мужчины. Вот и Ольга Лазорева, в очередной раз переживая любовную драму и решая свои внутренние проблемы, общается вначале с гадалкой, а затем с настоящим сибирским знахарем. Вместе с героиней читатель узнает, что знахарь – это не только тот, кто лечит травами, а тот, кто знает, КАК ЖИТЬ, чтобы НЕ БОЛЕТЬ. И автор делится с нами его секретами.

Содержание

Часть первая	4
В записную книжку	11
В записную книжку	30
В записную книжку	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ольга Лазорева

Чернослив в шоколаде

Часть первая

– Ты смотрела вчера очередную серию «Блондинки в шоколаде»?! – спросила у меня Ириска, как только вошла ко мне в квартиру. – И как тебе? – округлила она свои и без того круглые голубые глаза.

– Я же не сказала, что видела сей шедевр, – улыбнулась я. – И потом, как только я поняла, что Ксения Собчак – очень смешная девушка, так мне сразу стало неинтересно это смотреть, честно.

– Смешная? – неподдельно удивилась Ириска, скидывая красные туфли на высоких каблуках и поправляя растрепавшиеся пепельные волосы возле зеркала. – Вообще-то, во всех глянцевых журналах ее величают не иначе как гламурной, светской, сексапильной, стильной и так далее, по списку.

– Бог мой, Ириска! Ты как вчера из яйца вылупилась! Это же система пиара, разработанная специалистами и тщательно исполняемая. Ты-то должна понимать всю подоплеку таких статей! Ты же не из глухой деревни, где свято верят всему, что говорят и показывают по ящику. Я уж не говорю о глянце, если, конечно, он попадет в такую деревню.

Ириска, а на самом деле Ира, с удивлением на меня посмотрела и села за стол на кухне. Я насыпала зеленый чай в заварочный чайник, налила горячую воду и устроилась напротив нее.

– А чего ты такая взъерошенная? – поинтересовалась она. – Ну смешной она тебе кажется, эта пустышка Собчак, и что?

Ириска улыбнулась и начала деловито разрезать шоколадный вафельный торт, который она принесла с собой. Я задумчиво посмотрела на ее тонкие пальцы с ярко-розовыми ноготками, перевела взгляд на нежное лицо с прозрачными голубыми глазами и розовым румянцем и тоже начала улыбаться. Ириска выглядела с каждым днем все лучше. Ей было 38 лет. Год назад она весила на 12 килограмм больше, была обычной домохозяйкой, которая в принципе махнула на себя рукой и все свое время и силы отдавала любимым, дочери Зое и мужу Левушке. Но обнаружив случайно в компьютере мужа файл с обнаженными красотками, она внезапно осознала, что уже не так привлекательна, как раньше. И мгновенно начала действовать. Перепробовав множество диет, Ириска остановилась на самом простом способе – стала меньше есть и больше двигаться. И решила выйти на работу, к большому неудовольствию Лёвы.

– Да, извини, – ответила я, – просто настроение не очень. К тому же раздражает вся эта бесконечная сахарная вата, которой нас кормят с экранов телевизоров и страниц глянца.

– Это да, – согласилась Ириска и сделала глоток чая. – И все это не имеет никакого отношения к реальной жизни. Но в принципе нам никто не мешает выключить телевизор, сами же без него жить не можем.

– Тут ты права, – сказала я и встала. – Ладно, пойду соберусь, а то неудобно задерживаться. Мы обещали приехать к пяти, да?

Ириска молча кивнула и посмотрела на меня задумчиво.

Я пошла в комнату и после кратких колебаний надела строгий брючный костюм цвета кофе с молоком. Август в Москве был прохладным и довольно сырым. Но мне такая погода нравилась больше, чем обычная в последнее время сильная жара. Я слегка подкрасила глаза и тщательно расчесала короткие волосы. Мне показалось, что в этот раз я их чересчур выбе-

лила. Золотисто-ореховый тон мне шел намного больше. Вздохнув, я взяла сумочку и вернулась на кухню.

– Готова? – удивилась Ириска. – Быстро ты!

– А чего долго копаться? – усмехнулась я. – Да и для кого мне сейчас красоту наводить?

– Вот вам и здравствуйте! – ответила Ириска с явным возмущением. – Прежде всего для себя, самой любимой и самой красивой. Оля! Не нравится мне твое настроение! Мы, твои подруги, прекрасно понимаем, в чем дело!

Она встала и начала деловито мыть чашки, затем вытерла стол. Я не выдержала и рассмеялась. Ириска недоуменно на меня посмотрела и сняла полотенце с вешалки.

– Чего скалишься-то? – беззлобно поинтересовалась она.

– Смешно, что ты вечно у всех посуду моешь, – ответила я и пошла в коридор.

– Ах, ты про это! – сказала она, идя следом. – И не говори, привычка дурацкая! Но не отвиливай от разговора! Мы, твои подруги...

– Ирис! Я все отлично знаю, – перебила я ее, – и, поверь, ценю это. Но Злата сейчас занята семейными делами. А Ленке и вовсе не до меня! Это у тебя двухнедельный отпуск... на мою голову. Ты что, прорабатывать меня всю дорогу собираешься?

Лена, одна из наших подруг, наконец-то стала мамой. И это в почти критическом для такого события возрасте 34 лет. К тому же у нее родилась двойня – мальчик и девочка. Но так как Лена занимала пост генерального директора рекламного агентства и была буквально помешана на своей работе, то раньше родить у нее времени просто не нашлось. И мы сейчас собирались ехать к ней в частную клинику, где она находилась. Злата, наша четвертая подруга, не смогла к нам присоединиться. Как раз сегодня ее сын переезжал в Люберцы. И Злата решила лично руководить процессом. Ей в январе исполнилось 50, но трудно было даже предположить об этом, глядя на нее. Злата писала стихи, работала в охране, никогда не унывала, ко всему и всем относилась снисходительно, постоянно увлекалась какими-нибудь новыми диетами или весьма сомнительными методами оздоровления. И несмотря на это, ухитрялась отлично выглядеть.

– Значит, так, Оля, – сурово продолжила Ириска, надевая туфли и поправляя прическу перед зеркалом в коридоре, – мы, твои подруги, очень обеспокоены твоей непроходящей депрессией. Надо что-то с этим делать! Так же нельзя!

– Ага, – усмехнулась я, – смотреть «Блондинку в шоколаде»! Это ты мне хочешь посоветовать?

– А что? – тут же воодушевилась Ириска. – Тем более, как ты сама недавно заявила, Собчак тебе кажется очень смешной девушкой. Так что вместо комедии...

– Ладно, Ириска, успокойся уже. И пошли!

Мы вышли из квартиры и начали спускаться. Ириска молчала, пока мы находились в подъезде, но как только мы вышли на улицу, она подхватила меня под руку, прижалась и быстро заговорила:

– Взять хоть нашу неунывающую Златку! Не думаю, что так уж все у нее суперовски всегда было, как она нам говорит. Одинокая 50-летняя баба, получает в охране копейки, дружок Костик, сама знаешь, музыкант, хоть и работает инспектором оркестра, все равно творческая личность, к тому же пьющий, так что тоже не сахар. Правда, сын у Златки очень хороший. К тому же сейчас от нее переедет, все легче, а то взрослый парень.

– Не пойму, к чему ты клонишь, – заметила я, увидев, что Ириска замолчала и внимательно изучает идущую впереди девушку.

На той были очень короткие голубые джинсовые шорты, плотно обтягивающие ее маленькую аккуратную задницу, яркая красная футболка, тоже в «обличку», и туфли на высоченных каблуках. Светлые длинные волосы развевались на ветерке, маленькая джинсо-

вая сумочка на длинном ремне болталась на плече. Девушка шла быстро, но при этом ухитрялась вилять бедрами, словно она была на подиуме, а не на обычной улице.

– Я к тому, – после паузы, во время которой Ириска не сводила глаз с девушки, – что тебе надо пример с нашей Златки брать и постараться научиться на все и всегда смотреть с оптимистичной точки зрения. Понимаешь?

– Ладно, – хмуро ответила я, – но...

– Девушка! – вдруг громко позвала Ириска и, к моему искреннему изумлению, ринулась вперед.

Я ускорила шаг, начиная улыбаться. Ириска всегда была крайне непредсказуема.

– Вы мне? – спросила девушка, поворачиваясь и глядя на нас с легким раздражением.

Ее лицо оказалось милым, с большими серыми глазами, тонким румянцем и приятной улыбкой. Только пирсинг на левом крыле ее вздернутого носика показался мне неуместным, словно это была крупная блестящая бородавка. Ее лицо это не украшало.

– Знаете, – понизила голос Ириска и зачем-то оглянулась по сторонам, – вы, видимо, прошли по луже и ваши ноги снизу забрызганы грязью.

– Ой! – покраснела девушка, поворачивая голову и пытаясь разглядеть свои икры. – Спасибо вам огромное! А я и не заметила! Спасибо еще раз!

– Да не за что! – улыбнулась Ириска, раскрыла сумочку и протянула девушке салфетку. – Ну, мы пошли!

Она схватила меня за руку и устремилась к метро.

– Вот тебе дело есть до всего! – заметила я. – Пусть бы шла грязная. А я думала, что ты сейчас выскажешься по поводу ее невысказанно коротких шорт.

– Да что я, с ума сошла, по-твоему? – усмехнулась она. – Но ты, Оля, не права! Почему бы не помочь ближнему? И это все твоя депрессия. Но девушка симпатичная оказалась. Да?

– Да мне-то что до симпатичных девушек? – раздраженно сказала я и вошла в вестибюль метро.

Ириска двинулась за мной, потом вдруг остановилась и схватила меня за руку. Я резко затормозила и обернулась.

– Оля, что хочу сказать, – начала она, – вот я когда вижу таких симпатичных девушек, а ведь ей лет 20, не больше, то понимаю, насколько ты этой весной приняла правильное решение. Поэтому долой уныние! Ты все сделала идеально, умничка! Молодые парни должны встречаться с ровесницами, а не со взрослыми дамами. Хотя встречаться-то они, конечно, могут и со взрослыми, но вот любить с такой разницей это чревато! А у вас с Никиткой было все чересчур серьезно, любовь практически. Но ты вовремя все закончила, все прошло. Так зачем сейчас столько грустить?

– Ты права, – тихо ответила я, стараясь сдержать невольные слезы. – И я уже почти в норме. Так что вы все зря волнуетесь.

– Вот и хорошо! А волнуемся мы, потому что любим тебя.

Я улыбнулась ей и пошла к эскалаторам. Мы спустились вниз в молчании. Я думала о словах Ириски, вспоминая Никиту, и в душе соглашалась с ее словами.

Прошлой весной, тогда мне было 40 лет, я случайно на даче у Ириски познакомилась с ее соседом, 18-летним Никитой. И случилось так, что между нами вспыхнули чувства. И все, в общем-то, развивалось по стандартной схеме отношений между мужчиной и женщиной – мы и ссорились, и расставались на какое-то время, и жили вместе. Я даже познакомила Никиту со своими дочками – Катей, 21 года, и Варей, 19 лет, – и они, к моему удивлению, быстро нашли общий язык. Но этой весной все подошло к логическому завершению. Сочетание 40 и 18 оказалось невысказанным, возникли такие сложности, которые решать лично мне было не под силу. И я приняла решение расстаться, причем сделала так, что Никита сам ушел от меня. Он, видимо, в силу возраста был необычайно ревнивым, и я не нашла ничего

лучшего, как изобразить, что решила возобновить отношения с бывшим мужчиной, причем моим ровесником. Никита ушел, и больше я о нем ничего не слышала. Но забыть все еще не могла.

– Как думаешь, – услышала я голос Ириски и повернула к ней голову, – что нам Ленке купить? Может, фрукты какие-нибудь?

В этот момент остановился поезд, и мы быстро зашли внутрь.

– Она же сказала по телефону, что не нужно ничего, – ответила я, когда мы заняли свободные места в уголке. – И потом, какие фрукты кормящей матери?! Ты что? Ей же сейчас ничего такого нельзя.

– Ты уверена, что Лена захочет быть кормящей матерью? – скептически заметила Ириска. – Она, по-моему, спит и видит, как скорее вернуться на работу. А деток мамочке подкинет. Ее родители без ума, что у них, наконец, внуки появились. К тому же сразу мальчик и девочка. Их даже не смущает, что их обожаемая доченька не замужем.

– А кого это в наше время может смущать? – заметила я и пожала плечами. – И разве законный брак – гарантия счастья?

– Ты последнее время настроена философски, – после паузы заметила Ириска и стала сосредоточенно копаться в сумочке.

Я понаблюдала за ней минут пять и начала улыбаться. Ириска шумно вздохнула, цепко глянула на севшего напротив нас подтянутого загорелого мужчину средних лет, явно принадлежавшего к «белым воротничкам», потом повернулась ко мне и довольно агрессивно поинтересовалась, чего я улыбаюсь.

– Да читала как-то в Интернете статью о женщинах, довольно забавную, – ответила я. – И там отдельно о наших сумочках.

– Ну-ну, – заинтересовалась она и придвинулась ко мне.

– Взаимоотношение женщины и ее сумочки можно свести всего к трем вопросам, – продолжила я, улыбаясь все шире. – «Что это такое?», «Откуда тут это взялось?» и «Куда это задевалось?».

Ириска засмеялась, пробормотала: «Так оно и есть!» – и глянула на мужчину. Он смотрел на нас, уголки его губ приподнимала неприметная улыбка.

– Симпатичный, – заметила Ириска мне на ухо. – И на тебя смотрит.

– А может, на тебя, – отмахнулась я.

Но тут мужчина встал и вышел.

– А мы на следующей, – разочарованно сказала Ириска, провожая его взглядом.

– Успокойся, – заметила я. – А то ты готова меня сватать прямо в метро или на улице. Так и вижу, что ты мечтаешь скорее найти какого-нибудь жениха для меня!

– А что в этом плохого? – удивилась она. – Я ж твоя подруга! И не могу смотреть, как ты чахнешь в депрессии!

Когда мы приехали в клинику, то сразу увидели Лену. Она сидела на скамейке в сквере под раскидистым старым кленом, изучала какие-то распечатки и меланхолично покачивала широкую коляску. Лена родила две недели назад, но по ней этого видно не было. Ее красивое матовое лицо с выразительными карими глазами выглядело свежим и отдохнувшим. Золотисто-рыжеватые волосы были забраны в аккуратный узел и заколоты изящной золотой шпилькой с красным эмалевым цветком. Кораллового цвета пиджак, светлые брюки, бронзовые туфельки на каблучке, шелковая темно-красная блузка – перед нами была все та же деловая женщина, которая к тому же чрезвычайно внимательно изучала какие-то бумаги. Ириска толкнула меня локтем и, понизив голос, сказала:

– Ты только глянь на нашу Ленку! Да она, видать, уже работает! Ну и дела! А ты – «кормящая мать»! Сомневаюсь!

Лена в этот момент, к нашему изумлению, достала из сумочки телефон и четко проговорила:

– Да, слушаю.

Мы замерли в нескольких шагах от скамейки. Лена пока нас не заметила.

– Я же сказала, – после небольшой паузы строго продолжила она, – завтра в 11 утра в офис приезжает клиент, смотрит шоурилы, тритменты (шоурилы – режиссерское портфолио, тритменты – режиссерская раскадровка рекламного ролика) и сметы. И завтра же он выберет режиссера. И что непонятно?!

В этот момент из коляски раздался плач, Лена закрыла телефон и наклонилась к детям. Она что-то начала тихо говорить, покачивая коляску. Потом подняла голову и тут только заметила нас.

– Девчонки! – обрадовалась она. – Как вы кстати! Покачайте малышкой, а то эта лентяйка медсестра куда-то запропала. А мне нужно по телефону договорить.

– Нет, и как вам это нравится? – возмутилась Ириска, подходя к Лене и целуя ее. – Ты даже не поздоровалась и сразу заставляешь нас на тебя работать!

– Утром по телефону и с тобой и с Оленькой здоровалась, – отмахнулась Лена. – Сколько можно?

– Ах, вы какие сладенькие, – не слушая ее, засюсюкала Ириска, склоняясь к коляске, – ах, вы какие холесенькие! Но не похожи совсем между собой, – заметила она, выпрямляясь.

Но Лена уже отошла в сторону и что-то быстро говорила по телефону.

– Они же разнойцевые, – сказала я. – Ленка говорила об этом. Поэтому и не похожи.

– Ну да, – закивала Ириска и начала ритмично покачивать коляску. – Но какие прелестные детки! Прямо задумаешься. А то у меня только Зойка. И чего второго не родила?

– Вот-вот, задумайся, – ответила я и улыбнулась. – А то твоя неумная энергия давно требует применения!

– Что ты, Оль! – отмахнулась Ириска. – Это в 38-го?! Поздно мне!

В этот момент к нам подошла медсестра, миловидная девушка лет 25. Она робко посмотрела на Лену и слегка покраснела.

– И где вы так долго гуляете? – строго спросила Лена. – Увозите детей ко мне. Я скоро!

– Да, Елена Анатольевна, – закивала медсестра и покатила коляску по направлению к корпусу, напоминающему престижный современный коттедж.

А мы уселись на скамью. Лена задумчиво посмотрела на меня, потом перевела взгляд на Ириску. Видно было, что ее мысли витают где-то далеко.

– Как ты себя чувствуешь? – нарушила молчание Ириска. – Выглядишь просто отлично. Домой когда выпишут?

– А? – вернулась с облаков на землю Лена и повернула ко мне лицо.

– Чувствуешь себя как? – засмеялась я.

– Да лучше не бывает! – с легким раздражением заметила она и откинулась на спинку скамьи, положив ногу на ногу. – А все пугали, что в моем возрасте тяжело выносить, родить и т. д. И что? Все прошло на ура!

– Так тебе же кесарево делали, – заметила Ириска. – К тому же клиника частная и немисливо дорогая наверняка. Совсем другой уход. Ты вон тут, как на курорте, смотрю.

– А зачем еще зарабатывать деньги? – усмехнулась Лена. – Зато качество жизни совершенно другого уровня. А вы меня все пилили, зачем я столько работаю. Зато сейчас могу позволить себе рожать в нормальных условиях. И никакой мужчина мне не нужен.

– А вот это неправильно! – возмутилась Ириска и, как она думала, незаметно толкнула Лену локтем в бок. – Мужчина нужен в любом случае, потому что любой семье и любому дому нужен хозяин.

Лена мельком глянула на покрасневшее лицо Ириски, заулыбалась и повернула голову ко мне.

– А ведь Ириска правду говорит, – сказала она, глядя мне в глаза. – Мужчина нужен. Но достойный, а не какой-нибудь юноша, который ничего ни в жизни, ни в женщинах пока не понимает. Да?

– Да, – сухо ответила я и встала.

– Ты куда это? – удивилась Ириска.

– Что, уже и в туалет нельзя сходить, чтобы тебе не доложиться? – спросила я.

– Иди в мой корпус, там по коридору увидишь на первом этаже, – мягко проговорила Лена и улыбнулась.

Я быстро направилась по дорожке, вдоль которой пестрели аккуратные клумбы с узорами из цветов. Мне захотелось отчего-то побыть одной. Настроение резко упало. Я прекрасно понимала, что подруги заботятся прежде всего обо мне. Но ощущать на себе постоянное давление Ириски становилось уже неважно. Она всегда считала, что знает лучше меня, что мне на самом деле нужно, и тщательно внедряла это в мое сознание. А так как она не только работала менеджером в компании, торгующей сицилийским вином, но еще и подрабатывала в медицинской фирме, основанной на принципе сетевого маркетинга, то курсы психологии, а также профессиональные методы убеждения клиентов пошли ей явно на пользу. Мне иногда казалось, что Ириска настолько поднатрела во всем этом, что может убедить кого угодно и в чем угодно за считанные минуты. Она совершенно беззастенчиво пользовалась методами манипулирования, если у нее возникала потребность заставить кого-нибудь делать то, что нужно ей.

Манипуляция – это психологическое воздействие. К ней прибегают тогда, когда хотят использовать человека в своих целях, заставить его делать что-то помимо воли. Но фокус в том, что человек даже не подозревает, что им манипулируют. Простой пример: жена говорит мужу, что хочет поехать к родителям на пару дней. Ему эта идея не нравится. Но если он напрямую скажет, что не хочет, чтобы она уезжала, то нужного результата не получит. Тогда муж говорит следующее: «Конечно, дорогая, тебе необходимо съездить, отдохнуть от всего, родителей проведать. Да и я отдохну тут. Ребят приглашу, пива выпьем, футбол посмотрим». Жене это уже не нравится. Муж продолжает: «Хорошо холостяком побыть хоть пару дней, молодость вспомнить! Давно пора выпустить пары». Этого оказывается достаточно, и жена решает остаться дома.

Способы тайного управления человеком широко и публично, как правило, не освещались. Но манипуляция как применялась раньше, так и продолжает применяться по сей день практически во всех видах общения. Взять, к примеру, межличностные контакты. Даже если люди только сейчас встретились, они сразу же начинают подстраиваться друг под друга, приступают к выработке текущих правил. И на это нужно время. Но манипулятор умеет мгновенно втереться в доверие при помощи несложных приемов. Один из них – отзеркаливание. То есть вас попросту «зеркалят», повторяя ваши движения, позы, жесты и даже ритм дыхания. Кроме этого к вам присоединяются по эмоциональному состоянию, то есть если вы опечалены чем-то, то манипулятор печалится вместе с вами. Затем он начинает употреблять слово «мы» или «мы с тобой», а не «ты и я», что мгновенно вас сближает и объединяет. За очень короткий срок вы вдруг осознаете, что этот человек вам необычайно близок, не понимая причины этого. И когда вам говорят примерно следующее: «Я сразу понял (а), что мы

предназначены друг другу, что это судьба, потому что я чувствую странную близость, словно знаю тебя много лет», – вы безоговорочно верите, что так все и есть, что именно этот человек предназначен вам.

Манипуляция может совершаться открытой игрой на слабостях другого, например секс, чувство собственности, враждебное отношение к непохожим на нас (него), жажда денег, славы, роскоши и так далее. Как правило, манипуляторы эксплуатируют влечения, которые действуют безотказно: потребность в безопасности, в пище, в любви. Пример: муж собирается пойти вечером на футбол с друзьями. Жена категорически против. Но она отлично знает, что если скажет мужу об этом открыто, то он даже слушать ее не станет. Тогда она надевает сексуальное белье и начинает дефилировать перед ним с томным видом. Ее позы, взгляды, улыбки говорят о том, что она очень хочет немедленно заняться сексом, хотя на самом деле она этого желания не испытывает. Ее цель – не пускать его на футбол. Муж ведется на эту игру, прекращает собираться и затаскивает ее в спальню.

Часто манипулятор играет с информацией. Во-первых, искажает ее, преподнося нам в нужном для него ключе. Он может что-то утаить или вообще откровенно солгать. Во-вторых, сам способ подачи. Нагромождение второстепенных фактов, перескакивание с одной темы на другую приводят к перегрузке внимания слушающего, и манипуляция становится удачной. В-третьих, момент подачи информации. Самый известный прием – говорить что-то важное в тот момент, когда у вас решается какая-то неотложная проблема и вы готовы согласиться на все, только бы вас оставили в покое.

В любых отношениях существуют уровни. Один из излюбленных приемов манипулятора – сбить их. Это делается просто: он ставит себя или выше, или ниже объекта. Наглядный пример: разговор отца и сына. Отец хочет, чтобы сын чего-то не делал. Но у него или нет времени на убеждение сына, или отсутствуют достаточно обоснованные аргументы. Тогда он интуитивно прибегает к манипуляции, сбивая уровни общения. Отец говорит: «Я тебя старше, так что лучше знаю». То есть он ставит себя выше, чтобы добиться желаемого. Или другой пример. Два сотрудника в офисе. Одному очень не хочется делать определенную работу. Он решает заставить своего коллегу сделать это за него. Но если он в лоб попросит, то получит, несомненно, отказ. И он манипулирует следующим образом: «Знаешь, ты такой опытный, такой умный, ты не можешь помочь мне вот с этим? А то у меня ничего не получается, как я ни стараюсь. Или это я такой тупой? Даже и не знаю, в чем дело!» И польщенный коллега не в силах отказать ему. То есть в этом случае манипулятор опускает себя на уровень ниже. Равные партнеры оказываются на разных ступенях. И один делает работу другого.

В записную книжку

Манипуляция – это действия, направленные на «прибирание к рукам» другого человека, производимые настолько искусно, что у того создается впечатление, будто он самостоятельно управляет своим поведением. Научитесь отслеживать эти действия и не позволяйте манипулировать собой.

Я не стала заходить в здание, а обогнула его, решив прогуляться по дорожкам сквера и немного успокоиться. Сама не понимала, почему так начала нервничать от вроде бы невинного разговора. Но что уж тут душой кривить? Конечно, Никиту я пока еще не забыла, слишком сильное чувство я к нему испытывала, и так просто от этого избавиться было нельзя, хотя мы и расстались несколько месяцев назад. И в то же время я понимала, что поступила правильно, решив оборвать с ним связь. Я зашла за корпус, увидела скамейку под кустами сирени и быстро направилась туда. Но как только уселась, из-за кустов показалась девушка лет 14 на вид. Ее голова была опущена, заплаканное лицо почти наполовину прикрывали длинные неровные на вид черные пряди, худенькие ножки обтягивали узкие черные джинсы, белые кеды были почему-то с розовыми шнурками. На розовой футболке с длинными рукавами чернело разорванное пополам сердце. Девушка стянула с плеча сумку на широком длинном ремне и бросила ее на скамью. Я заметила, что она была усеяна множеством значков. Не глядя на меня, девушка села на край скамьи и тихо заплакала. Ее ногти были выкрашены черным лаком. Минут через пять я стала испытывать смущение. Мне хотелось уйти, и в то же время было как-то невежливо не поинтересоваться, что случилось. Девушка подняла лицо и уставилась неподвижным взглядом на клен, росший напротив скамьи. По ее щекам безостановочно текли слезы. Я заметила пирсинг под нижней губой и на левой брови.

– Послушай, – осторожно начала я, придвигаясь к ней, – что бы это ни было, не стоит так расстраиваться.

Девушка повернула ко мне голову и словно впервые меня заметила. Ее светло-голубые глаза расширились, дрожащие губы приоткрылись. Я достала из кармана салфетку и протянула ей.

– У тебя тушь размазалась, – мягко проговорила я.

– Он пытался покончить с собой, траванулся какими-то «колесами», – после паузы тихо сказала девушка. – Он написал, что не верит в любовь, что любви нет. Но ведь я так сильно люблю его! Но он не поверил и решил оборвать все одним разом.

– Ужасно, – пробормотала я и погладила ее холодные дрожащие пальчики. – Он остался жив?

Она молча кивнула и опустила голову. Но плакать перестала.

– И это главное! – более уверенно произнесла я. – Не думаю, что он захочет повторить это. А тебе нужно сейчас все время быть с ним.

– Он гонит меня, – прошептала она и всхлипнула.

– Ну, это пока, – ответила я. – Все образуется, вот увидишь. И не стоит столько плакать.

Она подняла голову и откинула челку. Затем достала из сумки расческу. Забрав волосы со лба назад, она закрепила их розовым обручем. Мне нравилось ее бледное лицо с тонкими аристократическими чертами, прозрачные голубые глаза, небольшой нос красивой формы и маленькие бледно-розовые губы. Но общее выражение инфантильности, слабости и упадка сил портило его. Я приписала это ее угнетенному состоянию.

– Как вас зовут? – неожиданно поинтересовалась она. – Меня Марика.

– А меня Ольга Николаевна, – улыбнулась я. – Но можно просто Оля, если тебе так удобнее.

– Удобнее, – кивнула она и тоже улыбнулась.

– Ну вот и замечательно, – сказала я и откинулась на спинку скамьи.

– А вы тут лежите или пришли к кому-то? – после паузы поинтересовалась она.

– Подруга тут, недавно двойню родила, – сообщила я и повернулась к ней.

– Глупо как, – заметила Марика и скривила губы.

– Почему? – изумилась я и заглянула в ее расширившиеся глаза, которые вновь начали наполняться слезами.

– Мир так жесток, в нем столько грязи, зла, горя, – тихо ответила она. – И какой смысл рожать детей? Чтобы обречь их на мучения?

Слезы вновь потекли по ее щекам.

От такой позиции совсем молоденькой девушки я опешила. Лично во мне инстинкт продолжения рода всегда был очень силен. И если бы не обстоятельства, то я, наверное, родила бы не меньше пяти детей. Да и обе мои дочери тоже хотели создать семьи, иметь не менее двух малышей.

– А у тебя есть брат или сестра? – зачем-то спросила я.

– Не-а, у меня и папы-то нет, – ответила Марика и встала, вытирая слезы. – Он бросил нас, когда я еще младенцем была. И я с мамкой вдвоем, и нам хорошо! – с вызовом добавила она и взяла сумку.

Я решила, что Марика хочет уйти, и даже неприметно вздохнула с явным облегчением. Этот разговор начинал угнетать. Но она глянула на меня и предложила, отчего-то перейдя на «ты»:

– А не хочешь пройтись? Или тебя ждут?

Я удивилась, но кивнула, правда, пробормотала, что меня действительно ждут. Но Марика словно не слышала. Она направилась по кленовой аллейке, я пошла рядом.

– Ты тоже что-то грустная, – непринужденно заметила она.

– Есть немного, – согласилась я.

– А где тебя ждут? – поинтересовалась она.

– За тем корпусом, – ответила я и обернулась. – И мы как раз от него удаляемся.

– Если нужно, то иди, – еле слышно пробормотала Марика, и из ее глаз вновь потекли слезы.

– Мы можем немного пройтись по этой аллее, – мягко сказала я, – а потом вернемся. Если хочешь, расскажи о своем друге. Как его зовут?

«Бедная девочка! – мелькнула мысль. – Ей и правда очень тяжело все это переносить. Готова с первой встречной поделиться»

– Его зовут Кирилл, – с готовностью ответила она. – И он необыкновенный! Мы встречаемся уже полгода. И я безумно, безумно, безумно люблю его! Если он умрет, я тоже здесь не останусь!

– Но ведь сейчас все хорошо? – спросила я и вновь почувствовала легкое неудобство от такого чрезмерно эмоционального проявления чувств. – И в будущем многое будет зависеть от тебя.

– Ты так и правда считаешь? – спросила Марика и даже остановилась.

– А как же иначе! – ободряющим тоном ответила я и тоже остановилась.

Марика тихо пропела: «В разгаре лета найти и потерять! Нет, мы не сможем смеяться и кричать». Она нагнулась и подняла лист клена, уже начавший желтеть. Поднеся его к лицу, Марика закрыла глаза и продолжила тихо петь: «Ждать, пытаюсь себя сдерживать, ты просто не сможешь петь...»

– Что это? – вяло поинтересовалась я, так как ее поведение начало меня порядком раздражать.

Марика была явно неординарной девушкой. Но у меня сейчас даже такой тип личности не вызывал интереса. И это было плохим признаком. Я давно для себя поняла, что истинная депрессия – это когда никого и ничего не любишь.

– Это моя любимая группа «Маракеш», они из Киева, – ответила она и закружилась на месте. – И это их хит «Ждать». Просто супер! Не слышала никогда?

Я отрицательно покачала головой.

– А ты кем работаешь? – спросила Марика довольно равнодушным тоном и бросила лист на асфальт.

– Никем, – нехотя ответила я и пошла по дорожке обратно к корпусу.

– Здоровски! – восхитилась она и двинулась за мной.

– Книги пишу, – пояснила я на всякий случай.

– Да? – отчего-то обрадовалась Марика. – И как твоя фамилия, если не секрет?

– Лазорева.

– Не слышала, – разочарованно протянула она. – Ой, смотри, бабочка!

Марика побежала к клумбе, над которой кружился крохотный лазоревый мотылек.

«Сущие дети! – подумала я, наблюдая за ней. – А уже любовь, смерть и мысли о вечном! Неправильно все это! Но девочка странная, я таких что-то и не встречала».

Скоро Марика догнала меня и пошла рядом. Мы обогнули корпус, и я увидела, как Ириска что-то гневно говорит охраннику, а Лена все так же сидит на скамейке и улыбается, наблюдая за ними. В этот момент она заметила меня и махнула рукой. Ириска развернулась в мою сторону всем корпусом. Увидев ее красное разозленное лицо, я невольно улыбнулась. Охранник что-то сказал ей, мельком глянул на меня и быстро направился прочь. Мы и подойти не успели, как Ириска начала выговаривать мне за то, что я так внезапно исчезла. Моя сумка осталась тут, телефон был в ней, поэтому Ириска позвонить не могла.

– Оля! – быстро говорила она. – Разве так можно?! Называется, пошла в туалет и пропала на час! Я уж и не знала, что думать! Уже даже охранника вызвала на подмогу. А Лене волноваться нельзя, ты же знаешь!

– Я и не волновалась. С чего ты взяла? – усмехнулась Лена.

– На час? – изумилась я и достала из сумки мобильный.

Глянув на дисплей, пробормотала, что прошло всего сорок минут.

– Ладно, вы тут разбирайтесь, а я пошла, – встряла Марика, видя, что на нее никто не обращает внимания.

– Всего хорошего, – ответила ей Ириска.

– Оль, можно твой мобил? – спросила Марика.

Я удивилась, но протянула ей телефон. Ириска сразу замолчала и в недоумении смотрела на нас. Марика раскрыла его и что-то вписала. Потом отдала мне со словами: «Мой номер. Звони, буду рада». Она кивнула нам и пошла прочь легкой стремительной походкой. Ириска проводила ее взглядом, помолчала, потом повернулась ко мне.

– Это еще что за явление? – поинтересовалась она. – Где ты эту малолетку подцепила? И чего ей от тебя нужно?

– Случайно познакомились, – ответила я, садясь рядом с Леной. – Милая девчушка, зовут Марика.

– Ну понятно, – нахмурилась Ириска, – тебе, как писателю, интересны всякие неадекватные личности. Но девчонка какая-то странная.

– Это эмо, – заметила Лена, – неужели неясно?

– Кто? – одновременно спросили мы с Ириской.

– Ну вы и отсталые тети! – рассмеялась Лена. – Эмо – направление молодежной субкультуры, очень сейчас модное. Они часто плачут, режут себе вены, носят черно-розовую одежду, делают тату и пирсинг, слушают эмо-музыку. Никогда не встречали, что ли? Мы у себя в агентстве даже подумываем, не сделать ли нам рекламу в стиле эмо, – задумчиво добавила она.

– Первый раз слышу, а тем более вижу, – заметила Ириска и поджала губы.

– И у тебя дочь подрастает! – тихо засмеялась Лена. – Сколько твоей Зойке уже? 14? Вот придет как-нибудь с выкрашенной черной челкой и пирсингом, да еще и в черно-розовой одежде, тогда сразу узнаешь!

– Еще чего! – отмахнулась Ириска и тоже засмеялась.

– Нет, ну про такую группу, как Tokio Hotel вы уж точно слышали? – поинтересовалась после паузы Лена.

– А это что, эмо? – изумилась я.

– Нет, стиль, я бы сказала, поп-рок, но внешний имидж продюсеры подогнали под эмо, сделав ставку на молодежную моду. И не ошиблись.

– А это интересно, – сказала я задумчиво.

– Тут через сквер есть клиника, тоже частная, – продолжила Лена, – она, кажется, с нервным уклоном. И эта твоя девочка-эмо не оттуда, случаем, сбежала?

– Нет, не беспокойся, – улыбнулась я. – А тебе кормить деток не пора? – перевела я разговор на другую тему.

– Медсестра их кормит из бутылочки, – ответила за Лену Ириска с явным возмущением. – Я же говорила!

– Просто у меня молока почти нет, – сказала Лена. – Но сейчас с этим у многих проблемы.

– Это все одни отговорки! – нахмурилась Ириска.

– Пошли лучше погуляем, – предложила я. – А то вечер чудесный.

Мы встали и медленно отправились по дорожке. Ириска постепенно успокоилась. Мы болтали о разных пустяках, смеялись, но я отчего-то нет-нет да и вспоминала Марику. Я даже почувствовала, что грусть уходит и появляется интерес к новому персонажу. Я, правда, пока точно не знала, кто такие эмо, но сам типаж показался мне близким и понятным, ведь все писатели по сути своей чрезмерно эмоциональные люди, зачастую склонные к суициду. Знали бы читатели, какие бури эмоций разыгрываются внутри, как ноет душа, заставляя писать о любви, страдании, жизни и смерти.

– Так, наша Оленька о чем-то глубоко задумалась, – услышала я и повернула голову.

Ириска смотрела на меня лукаво, кончики ее губ неудержимо ползли вверх.

– И этот недотепа режиссер даже свое портфолио не предъявил! – говорила в этот момент Лена.

Но тут же замолчала и с любопытством на меня посмотрела.

– Вы чего? – нахмурилась я.

– Да вид у тебя какой-то странный, – ответила Лена и взяла меня под руку. – Не иначе творческая мысль заработала!

– Дай-то бог! – вздохнула Ириска. – Давно пора! А то ты, Оль, по-моему, все время о Никитке думаешь, все-то он у тебя из головы не выходит. Забудь! Тебе же легче станет!

Словосочетание «эмо-киды», или просто «эмо», сейчас на слуху. Но многие в России даже понятия не имеют о том, что же оно означает, хотя на Западе это явление впервые появилось еще в 80-х годах. Модная музыка эмо и сопутствующая ей субкультура – явление сугубо молодежное, причем скорее для 13—15-летних подростков. Считается, что мальчики органичнее вписываются в самую идею эмо, нежели девочки. Эмо-бои, так они себя

называют, тщательно ухаживают за собой, носят стильные и обязательно удобные вещи. Этим парней настолько волнуют собственные чувства и переживания, что они не стыдятся их проявлений.

«Эмо» (сокращение от англ. emotion – эмоциональный) – особый стиль музыки, одежды и жизни впервые появился в 1980-х годах на Западе. Но все-таки первоначально эмо зародилось как музыкальное направление. Оно быстро пересекло границы, как географические, так и музыкальные. И именно музыка спровоцировала появление новой субкультуры. Эмо-музыка – это особый вид хардкор-музыки, основанный на сокрушительно сильных эмоциях в голосе вокалиста и мелодичной, но иногда хаотичной музыкальной составляющей. Визг, плач, стоны, шепот, срывающийся на крик, – отличительные особенности этого стиля. Тексты песен носят личный характер – о переживаниях автора. Сегодня этот стиль музыки подразделяется на эмокор, эмо-рок, кибер-эмо, панк-эмо, эмо-вайоленс, скримо, френч-эмокор и др.

На первый взгляд культура эмо выглядит мрачной и деструктивной. Но на самом деле это не так. Эмо само по себе не несет ничего плохого, а наоборот, пытается донести до людей идею, что помимо материальных ценностей в жизни человека должны быть и ценности духовные. Основа эмо – истинные, неподдельные и нескрываемые чувства и эмоции. Эмоции – вот движущая сила в жизни человека. И главная из них, несомненно, любовь. Любовь – это идеальное чувство, которое нельзя скрывать, уверяют эмо-киды. Поэтому, если сердце разрывается на куски, эмо не будет молчать об этом – он будет открыто грустить, переживать и даже плакать навзрыд. Особенно сильные эмоции вызывает в эмо-кидах музыка. На эмо-фестивалях толпы эмо-кидов в яркой одежде не в силах справиться со своими эмоциями и едва ли не заливают слезами танцпол. Но это, конечно, крайности: тру-эмо (истинные эмо, от англ. truth – правда, истина) могут всплакнуть под грустный мотив, но никогда не будут делать из этого шоу.

В целом эмо – очень интересное молодежное направление. Здесь приветствуется в первую очередь особое самосознание: крайняя доброта, душевная открытость, эмоциональность. Стать эмо практически невозможно, эмо – это внутреннее состояние. И открытое выражение эмоций – это норма. Конечно, у каждого разные эмоции, и по-разному их получается выражать. Но главное, чтобы они были искренними, шли от души. Эмо очень серьезно относятся к дружбе, любви и отношениям. Большинство из них не употребляют нецензурную лексику, не принимают наркотиков и не принимают решения споров при помощи кулаков.

Из-за эпатажного внешнего вида (парни с покрашенными ногтями и глазами) и поведения (плаксивый, чувствительный и т. д.) большинство обывателей считает эмо-боев геями. Но это не так. Эмо-бои пропагандируют свободную любовь. И бисексуальность – распространенное явление среди этого сообщества. Считается даже, что есть неписаное правило: каждый, кто хочет быть эмо, – должен быть би. Хотя это тоже не соответствует действительности. Прежде всего эмо – внутренняя свобода, и каждый сам выбирает стиль отношений в соответствии со своими внутренними потребностями.

Как выглядят эмо-бои? Обычно это худые, высокие подростки с прямыми, черными как смоль волосами, практически всегда крашеными.